

Трещина — это совершенно обычное создание пространства или момента, в котором мы утверждаем другой тип деятельности.

«Нет, в этом пространстве, в этот момент мы не собираемся делать то, что от нас ожидает капиталистическое общество. Мы собираемся делать всё, что считаем необходимым или желательным». Мы берём момент или пространство в свои руки и пытаемся сделать его местом самоопределения, отказываясь позволить деньгам (или любой другой чуждой силе) в определении того, что мы делаем.

Это, безусловно, то самое, что объединяет всех «обычных людей», упомянутых в начале книги: отказ позволить логике денег формировать их деятельность, решимость взять пространство или момент в свои руки и формировать свою жизнь в соответствии со своими собственными решениями^[1]. В некоторых случаях это прямо, и никак не теоретизировано: друзья, которые образуют хор, потому что им нравится петь, медсестра, которая действительно пытается помочь своим пациентам, автослесарь, который проводит как можно больше времени на своём садовом участке. В других случаях это часть понимания того, что господство денег является центром всей системы социальной организации, системы господства, которую мы называем капитализмом; в этом случае отказ позволить деньгам определять нашу деятельность является частью сознательного неприятия капитализма и понимается как часть борьбы с капитализмом: режиссёр театра из Вены, жители Кочабамбы, которые боролись против приватизации воды, крестьяне в Чьяпасе, которые боролись с изменением своих общин, и т.д. Дело не в том, что существует чёткое разделение между теми, кто обладает "классовым сознанием", и теми, кто им не обладает: скорее, существует постоянно меняющийся спектр осознания резонансов и последствий того, что они делают, осознание, которое может быть лишь косвенно связано с влиянием самих действий. Автослесарь, идущий вечером в свой садик, вполне может читать «*Kanumal*» и, поливая посадки, размышлять о зле капитализма и о насущной необходимости радикального изменения отношений между людьми и другими формами жизни, в то время как женщина, вступившая в конфликт с армией, чтобы предотвратить приватизацию воды, может думать просто о том, как прокормить свою семью, а не о глобальной борьбе против коммодификации предметов первой необходимости. Во всём этом есть динамика. Суть трещин в том, что они бегут и могут двигаться быстро и непредсказуемо. Вот почему это не помогает проводить чёткие различия. Сегодня автослесарь поливает свои растения на участке, но завтра он может выйти на улицу и сразиться с "Монсанто". Женщина, которая сегодня борется за воду, завтра может начать размышлять о том, как капитализм разрушает мир. Движение трещин — это движение за счёт получаемого опыта, зачастую — обучение-в-борьбе^[2], хотя здесь было бы неправильно думать об однонаправленности: бывает и так, что люди устают — и трещину вновь затягивает льдом.

Все эти люди так или иначе отвергают детерминацию своей деятельности деньгами и противопоставляют этой логике другое понятие деятельности, ино-деятельность, которое они

стремятся определить самостоятельно, индивидуально или коллективно. Они стараются делать то, что сами считают желательным или необходимым. Конечно, это не чистое самоопределение, потому что то, что мы считаем желательным или необходимым, зависит от общества, в котором мы живем, и потому что мы не контролируем окружающую среду, в которой мы действуем, но это стремление в *направлении* социального самоопределения, это усилие направлено не только против, но и за пределы определения нашей жизни капиталом.

Трещина сама по себе не возникает. Очень часто она представлена, как избыток, выход из рамок поля более ограниченной борьбы. Учителя в Пуэбле борются против неолиберальной реструктуризации образования, которую пытается навязать правительство; когда правительство отказывается принять их предложение, они разрабатывают свой собственный альтернативный план улучшения системы образования^[3]. Объявляется закрытие фабрики, и рабочие начинают договариваться об условиях увольнения; когда они не получают того, что хотят, они решают занять фабрику и управлять ею как кооперативом, а затем они начинают призывать к миру без боссов. Учащиеся протестуют против введения платного обучения, и, не получив ответа, выносят свои столы и стулья на улицы и начинают внедрение образования в иной форме. В каждом из этих случаев данные трещины, моменты, в которые, или места, в которых мы отвергаем внешнюю власть и утверждаем, что «здесь и сейчас правим мы», перерастают более локализованную борьбу. Мы сталкиваемся с ограничениями системы, и гнев, присущий любому конфликту, заставляет нас выйти за эти пределы, чтобы утвердить иную логику, логику (или, возможно, антилогику) самоопределения. Логика требований уступает место простому утверждению нашего собственного правила.

Трещины не всегда являются прямым следствием более ограниченной борьбы. Иногда они возникают из сознательного решения группы людей отказаться от ограничений капитализма. Это может быть группа учащихся, которые решат, что они не хотят подчинять свою жизнь требованиям капитала и найдут способ жить против системы и за её пределами настолько, насколько это возможно; или различные группы, объединившиеся, чтобы основать социальный центр — и как центр антикапиталистической деятельности, и как пространство для развития иных социальных отношений; или группа друзей, которые решат, что лучший способ остановить разрушение природы — это жить на земле и биоинтенсивно производить свою собственную пищу. Часто такая деятельность занимает неполный рабочий день^[4] — скажем, люди в социальном центре посвящают как можно больше времени антикапиталистической борьбе, но они также хотя бы изредка занимаются работой, чтобы выжить; или друзья, которые решили жить, выращивая себе еду, создают своё идеальное сообщество, используя пенсии, которые они заслужили, работая. Чистоты в этом нет, но есть общее неприятие связующей логики капитализма, а также попытка создать нечто иное.

Таким образом, трещины могут быть результатом сознательного отказа, но они также могут быть результатом насильственного изгнания из капиталистических общественных отношений. Все больше и больше людей вытесняются с работы или обнаруживают, что у них нет никакой возможности получить работу, а если и есть, то только на очень случайной и ненадёжной основе. Они вынуждены строить свою жизнь другими способами. Государственные системы пособий по безработице и социальной помощи (там, где они существуют) призваны

распространить трудовую дисциплину даже на безработных, чтобы убедиться, что безработные действительно функционируют как армия трудовых резервов. Но большинство безработных в мире выходят за рамки этих систем и должны найти способ выжить на основе некоторой комбинации случайной занятости, мелкой торговли или услуг (например, продажи жевательной резинки или чистки ветровых стекол автомобилей на светофорах), а также развития форм солидарности между членами семьи, друзьями или соседями. Власть денег и товара в таких случаях остается огромной, но формы социальной солидарности часто порождают такие формы жизни и организации, которые противоречат логике капитала. Если значительная часть населения мира выживает менее чем на доллар в день, то это обычно происходит потому, что они создали формы взаимной солидарности и поддержки, которых обычно нет в более "развитых" частях мира^[5]. Во многих частях мира построение альтернативных общественных отношений является просто необходимостью: капиталистическая занятость не имеет значения, и капиталистическое государство не функционирует даже в качестве полиции или строителя дорог. Это запретные районы для государства и столицы, не обязательно из-за какого-либо политического восстания, а просто потому, что полиция боится в них заходить. Простое выживание требует, чтобы люди собрались вместе и взяли на себя управление своим районом или городом, и в этом процессе часто выстраиваются радикальные отношения солидарности. Важным примером этого является Эль-Альто, туземный город, выросший на окраине Ла-Паса в Боливии и ставший в последние годы центром повстанческих движений. Рауль Зибечи утверждает, что эти трущобы, которые распространились с огромной скоростью в результате неолиберального разрушения сельского хозяйства, создали трещины в капиталистическом господстве и государственном контроле, и что эти трещины пролегли по центру всплеск восстаний в Латинской Америке в последние двадцать лет^[6].

Значит ли это, что любое построение других форм организации вне основного русла капиталистических общественных отношений следует рассматривать как трещину в капиталистическом господстве? Нет, если мы думаем о трещине как о пространстве или моменте отрицания-и-созидания, отказа и ино-деятельности. Быть безработным или жить в трущобах Мумбаи не обязательно означает отказ от капитализма. Скорее, отношения взаимной поддержки, которые создаются в таких ситуациях, могут легко стать материальной основой для своего рода переворота, реальной *разрядки*, в которой жертвы внезапно становятся мятежниками, а структуры страдания внезапно трансформируются в ожидания лучшего мира. Подобное произошло, например, с движением пикетеров, движением безработных рабочих в Аргентине, где некоторые группы (такие как MTD de Solano^[7]) радикально перешли от требований занятости к заявлению, что они не хотят работать, не хотят, чтобы их эксплуатировали, что они хотят посвятить свою жизнь осмысленной деятельности, избранной ими. Аналогичный сдвиг в меньшем масштабе можно наблюдать в немецком движении "Glückliche Arbeitslose" (счастливые безработные)^[8]. Уже упомянутый пример Эль-Альто является еще одним важным примером: структуры взаимной поддержки, разработанные для борьбы с ужасающей нищетой и правительственным пренебрежением (не остатки сельских общин, а разработанные для удовлетворения потребностей городской жизни)^[9], были ориентированы на основу одного из самых важных движений восстания в последние годы. Нечто подобное произошло с чёрными, гомосексуалистами и туземными движениями: то, что

раньше считалось знаком стыда, вдруг превращается в знак гордости. Во всех этих случаях происходит исключение из основного потока, обращающееся вспять, когда те, кто исключён, заявляют, что они не хотят быть включёнными, что они предпочитают идти своим собственным путём. Исключение становится отказом, и модели альтернативных социальных отношений, сконструированные для борьбы с этим исключением, становятся реальными трещинами, мощными пространствами созидательного отказа. Мир перевернулся с ног на голову.

Конечно, существуют различия между трещинами, созданными сознательным отказом (например, группой друзей, решивших создать социальный центр), и трещинами, которые возникают в результате обыгрывания исключительной ситуации (как в случае с группами *пикетеро*). Однако эти различия не следует преувеличивать. Часто бывает трудно отличить выбор от необходимости: решение программистов не работать на оружейную промышленность, а посвятить свое время созданию программного обеспечения, которым можно свободно делиться, вполне может быть реакцией на то, что они воспринимают как экзистенциальную необходимость. Важно не проводить разделительные линии, а видеть линии непрерывности. Чрезвычайно успешная кампания по борьбе с подушным налогом в Великобритании в начале 1990-х годов была построена вокруг лозунга "Не могу платить, не буду платить", указывающего на единство тех, кто не мог платить налог, и тех, кто решил не платить налог, который они считали несправедливым. Таким образом и нам, возможно, стоит думать об этих отрицаниях капитализма, как о быстро меняющихся узорах в калейдоскопе неповиновения — и нет никакого смысла устанавливать чёткие различия.

Центральным вопросом является противопоставление логика капитализма совершенно иной логики — здесь и сейчас. В этом нет ничего необычного: это часть повседневной жизни. Это антилогика того, что мы считаем человечностью, порядочностью, достоинством; даже в самых безобидных на вид примерах всегда есть скрытое неповиновение или неподчинение. Достоинство не ждёт: трещина — это нарушение субординации здесь и сейчас, а не проект на будущее. Дело не в том, что «после революции наша жизнь не будет подчинена капиталу», а в том, что «здесь и сейчас мы отказываемся подчинять свою деятельность господству капитала: мы можем, хотим и делаем что-то другое». В темпоральности восстания происходит сдвиг. Во всех отношениях неотложность положения человечества накладывает отпечаток на то, как люди борются. Старое представление о планировании будущей революции кажется пустым, когда мы знаем, что будущее может быть только очень ограниченным. Коммунизм (или как бы мы его ни называли^[10]) становится насущной необходимостью, а не будущим этапом развития.

1. Для получения картины широкого спектра трещин, или автономий, или некапиталистических практик, а также о растущей литературе по этому вопросу см., например, De Angelis (2007), Trapese (2007), Carlsson (2008) D. Solnit (2004), Habermann (2009) и Böhm, Dinerstein and Spicer (2010). [↗](#)

2. Об этом см. Ghiotto (2005: 212 — 13). [↗](#)

3. См. Salom (2009) и другие документы, доступные на www.tamachtini.org.
4. Это верно для многих примеров, обсуждаемых Carlsson (2008). Его книга — чрезвычайно богатый и стимулирующий источник для обсуждения самых разнообразных трещин (или того, что он называет «наутопиями» (nowtopias) – от пиратов-программистов до захватывающих территорию садовников, велосипедистов вне закона и т.д.
5. Данная точка зрения была высказана Ванги Мбатиа, представителем Кенийского Народного Парламента на «Анти-Саммите 2007» в Ростове.
6. См. особенно Zibechi (2006 и 2008).
7. По данному вопросу см. MTD de Solano and Colectivo Situaciones (2002), в частности с. 247 и далее, а также Habermann (2004), Gordon and Chatterton (2004). См. также об идее «непослушания безработных» Rebón (2004 и 2007). Та же самая трансформация идеи безработицы описывается Flores (2005) как движение от чувства вины к самоопределению.
8. Об этом движении см. Paoli (2002).
9. Обсуждение данного вопроса представлено в Zibechi (2006). Анализ местной организации Эль-Альто и роли города в боливийских восстаниях см. в Ramírez (2005), Gómez (2006).
10. Несмотря на свою историю, а может быть, и благодаря ей, «коммунизм» сохраняет провокационную силу, которой нет у «социализма». Об отказе от термина "социализм" см. Esteva (2007c), Cleaver (2006) и Negri (2008).